

УДК 821 (73)

«ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК» В КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ ВЕРСИИ

Евгения Михайловна Бутенина

к. филол. н., доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации

Дальневосточный федеральный университет

690920, Владивосток, о. Русский, корп. D. eve-butenina@yandex.ru

В литературе США последних десятилетий заметную роль играют иммигранты из Китая, пишущие на английском языке. Выход китайско-американской литературы в мейнстрим начался с широкого признания художественной автобиографии Максина Хун Кингстон (Maxine Hong Kingston) «Воительница» (*The Woman Warrior*, 1976); позже приобрели популярность романы Эми Тань (Amy Tan) и Гиш Цзень (Gish Jen), пьесы Фрэнка Чиня (Frank Chin) и Дэвида Генри Хуана (David Henry Hwang)¹. Все перечисленные писатели родились в США, и английский язык был для них родным с детства. Достаточно необычен феномен последних лет: иммигранты первого поколения, переехавшие в США уже взрослыми людьми, начинают писать по-английски и получают признание. Особенно обращают на себя внимание два автора, лауреаты многочисленных литературных премий: Ха Цзинь (Ha Jin, p. 1956) и Июнь Ли (Yiyun Li, p. 1972). Поскольку оба писателя пережили культурную революцию и период настойчивой «советизации» культуры Китая, в их творчестве немалую роль играет диалог с русской литературой, как советского, так и досоветского периодов. Довольно значим этот диалог в романе Ха Цзиня «Ожидание» (*Waiting*, 1999), удостоенном Национальной книжной премии и премии Фолкнера / Хемингуэя от американского ПЕН-Клуба. В момент постижения смысла своей жизни главный герой этого романа называет себя «лишним человеком». В статье анализируется, в какой степени подготовлено это самоопределение развитием характера героя, и обсуждается вопрос, можно ли соотнести китайского персонажа с русским образом «лишнего человека».

Ключевые слова: китайско-американская литература; Ха Цзинь; «лишний человек»; Гончаров; Обломов; транскультурная интертекстуальность.

В литературе США последних десятилетий заметную роль играют иммигранты из Китая, пишущие на английском языке. Выход китайско-американской литературы в мейнстрим начался с широкого признания художественной автобиографии Максина Хун Кингстон (Maxine Hong Kingston) «Воительница» (*The Woman Warrior*, 1976); позже приобрели популярность романы Эми Тань (Amy Tan) и Гиш Цзень (Gish Jen), пьесы Фрэнка Чиня (Frank Chin) и Дэвида Генри Хуана (David Henry Hwang)¹. Все перечисленные писатели родились в США, и английский язык был для них родным с детства. Достаточно необычен феномен последних лет: иммигранты первого поколения, переехавшие в США уже взрослыми людьми, начинают писать по-английски и получают признание. Особенно обращают на себя внимание два автора, лауреаты многочисленных литературных премий: Ха Цзинь (Ha Jin, p. 1956) и Июнь Ли (Yiyun Li, p. 1972). Поскольку оба писателя пережили куль-

турную революцию и период настойчивой «советизации» культуры Китая, в их творчестве немалую роль играет диалог с русской литературой, как советского, так и досоветского периодов. Довольно значим этот диалог в романе Ха Цзиня «Ожидание» (*Waiting*, 1999), удостоенном Национальной книжной премии и премии Фолкнера / Хемингуэя от американского ПЕН-Клуба. В момент постижения смысла своей жизни главный герой этого романа называет себя «лишним человеком». В статье анализируется, в какой степени подготовлено это самоопределение развитием характера героя, и обсуждается вопрос, можно ли соотнести китайского персонажа с русским образом «лишнего человека». Бывший офицер китайской народной армии, а ныне лауреат Национальной книжной и ряда других престижных литературных премий США, автор нескольких романов, сборников рассказов и стихотворений, Ха Цзинь (настоящее имя – Цзинь Сюэфэй) отмечает, что ему непросто было решиться

писать на неродном английском, поскольку успеха на этом поприще достигли лишь такие «гиганты», как Джозеф Конрад и Владимир Набоков [Jin 2006]. Роман Набокова «Пнин» Ха Цзинь, как и многие другие писатели-иммигранты, считает лучшей историей об изгнаничестве, особо подчеркивая выразительность той детали, что Пнин повсюду носит с собой вебстеровский словарь [Jin 2000a]. Словарь как метафора ориентира для толкования чужого, непонятного мира появляется и в романе «Ожидание». Главный герой романа, врач китайской армии Линь Кун, почти двадцать лет пытается развестись с женой, живущей в деревне (по правилам режима китайской армии XX в. он может получить развод без согласия жены, только если они не менее восемнадцати лет проживут порознь). Они видятся раз в год, когда Линь приезжает домой в отпуск. Каждый год он поднимает эту тему, но результата не добивается. Готовясь к очередному неприятному разговору, Линь берет в руки свой старый школьный словарь русского языка, пытается вспомнить слова и даже составить предложения на русском языке. Ему это не удается, однако на протяжении всего романа русские книги будут сопровождать его в напряженные моменты жизни.

В течение долгих лет тянется роман Линя с медсестрой Манной, ради женитьбы на которой он и пытается развестись. С Манной у них нет ничего общего, и первое доказательство тому – Манна не любит читать, тогда как Линь живет в мире книг. В его библиотечке «Война и мир» и «Белые ночи» соседствуют с «Историей международного коммунизма», трудами о первом атомном ледоколе «Ленин» и партизанских войнах. Американского читателя этот список, пожалуй, позабавит, но русский и китайский читатели могут оценить трагический абсурд истории России и Китая в XX в., скрытой за этим списком. Впервые оказавшись в комнате Линя, Манна берет с полки труд Сталина «Проблемы ленинизма» и видит экслибрис с гравюрой «дома с соломенной крышей, затененного кроной двух деревьев. Вдалеке над холмом виднеется стая птиц, и заходящее солнце роняет свои лучи. На мгновение Манну заморозила умиротворенность этой гравюры»² [Jin 2000b: 33]. В том, что на книге, пропагандирующей режим коллективной собственности и обезличивания, Линь поставил штамп с «иностранным словом *ex libris*», подчеркивая свое право владельца, и разместил гравюру с традиционным китайским пейзажем, проступает его молчаливый протест против насаждаемой коммунистической идеологии и стремление хотя бы через международное латинское слово ощутить связь с читателями свободного мира.

Любовь Линя к русской литературе была непонятна не только Манне: директор политического отдела госпиталя, с которым Линь иногда говорил о книгах, жаловался ему на «толстые романы русских», у которых, по его мнению, «было очень много свободного времени» [ibid.: 60]. Линь вообще непонятен окружающим (автор замечает, что коллеги называют его «Ученый» и «Книжный червь», но «любят»), а Манна недоумевает: «Почему он такой тихий, такой добросердечный? Сердился ли он на кого-нибудь? Кажется, что у него нет характера» [ibid.: 44]. Даже внешне Линь отличается от остальных: ему несколько раз делали замечание за слишком длинные волосы, разделенные пробором, и в конце концов ему пришлось сделать стрижку ежиком, как у всех [ibid.: 61].

Однажды Манна застала Линя за чтением мемуаров маршала Жукова «Воспоминания и размышления» и высмеяла его честолюбивые планы по изучению военных стратегий, якобы для достижения генеральского чина. Как это ни комично, к воспоминаниям маршала он обратился, пытаясь найти решение для выхода из тупиковых отношений с Манной. Ему даже удалось набраться храбрости и объявить ей о разрыве, но через неделю он решил восстановить отношения, «признав непрактичность своего предложения» [ibid.: 99].

Поскольку официально узаконить отношения не получалось, Манна не отказалась от свидания с комиссаром, подыскивавшим себе образованную жену. Русские книги, увиденные в библиотеке Линя, помогли Манне произвести мимолетное впечатление на комиссара: когда тот спросил, что она читала в последнее время, ей вспомнились «Тихий Дон» и «Анна Каренина». Она тут же пожалела, что упомянула «эти русские романы, которые уже утратили популярность и могли оказаться вредными и губительными». Но комиссара впечатлил ее выбор: «Я вижу, у вас хороший вкус. Жаль, что немногие читают сегодня русские романы. Как я поглощал их в молодости!» [ibid.: 144]. Признав в Манне достойную собеседницу, комиссар дал ей сборник стихов Уолта Уитмена «Листья травы» и велел сообщить ему о своем мнении. Но даже с помощью Линя Манне не удалось придумать, что можно сказать об этой «странной, дикой» книге, и комиссар исключил ее из списка претенденток на роль своей супруги под предлогом, что у нее плохой почерк. Непонятная и Линю, и Манне уитменовская поэзия невольно сблизила их, тогда как русским книгам, так и оставшимся заголовками для Манны, этого сделать не удалось.

У Линя же с русской литературой была несомненная связь, проявившаяся в полной мере в

финальной сцене романа. К этому времени он развелся и заключил брак с Манной, которая оказалась сварливой и вечно недовольной женой. Однажды перед началом китайского Нового года она отправила Линя с гостинцами для его первой жены и дочери. Он был удивлен, но потом догадался, что она надеялась на их помощь в воспитании своих детей, поскольку была тяжело больна. Бывшая жена Шуюй и дочь Хуа тепло его приняли, Линь впервые за долгое время почувствовал себя дома и в то же время понял, что они вполне могут обойтись без него. Тогда ему и приходит в голову мысль о том, что он «“лишний человек”». Эту фразу он когда-то читал в русском романе. Имя автора забылось» [ibid.: 303].

Конечно, это самоопределение можно считать грустной иронией автора по отношению к своему герою, явно лишнему в той среде, где ему суждено было оказаться. Вероятно, Ха Цзинь и не имел в виду какой-то определенный русский роман, да и трудно представить более несходные социальные и исторические обстоятельства, чем у «лишних людей» в дворянской России и военного врача в коммунистическом Китае. Однако в нашей галерее «лишних людей» есть герой, по складу характера и внутренней философии обнаруживающий определенное родство с Линем Куном, и этот герой – Обломов³.

Обломов традиционно считается воплощением русского национального характера⁴, которому свойственна «всемирность» и в том числе азиатская составляющая. В романе Гончарова присутствуют отсылки к этой составляющей: Обломовка находилась в «одной из отдаленных губерний, чуть не в Азии» [Гончаров 1990: 60]. Покинув родовое поместье, где царил вечный сонный покой, Обломов большую часть времени проводил в домашнем костюме, который необыкновенно шел «к покойным чертам лица его и к изнеженному телу»: «настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него. Рукава, по неизменной азиатской моде, шли от пальцев к плечу все шире и шире» [там же: 20–21]. Сравним с конфуцианским описанием наряда «благородного мужа»: «желтый свободный халат», у которого, однако, «должен быть короткий правый рукав для того, чтобы он мог пользоваться рукой» [Высказывания Конфуция]. «Благородный муж» в китайской традиции нередко наделяется чертами инфантильности и даже женственности, что подчеркивается близостью покроя мужского и женского одеяний. Поэтому вполне закономерен риторический вопрос Татьяны Толстой в предисловии к новому переводу «Обломова» на английский язык: «Разве сон о

сне Обломовки не напоминает буддийскую сутру?» [Tolstaya 2006: viii]. Неразделимость сна и яви в мироощущении Обломова напоминает и знаменитую притчу о китайском философе Чжуанцзы, которому приснилось, что он мотылек, а при пробуждении он не мог понять, снилось ли ему, что он – мотылек, или мотыльку снилось, что он – Чжуанцзы.

Обломову пришлось пережить лишь два испытания социальной средой, после которых он полностью отстранился от нее: попытка службы и попытка женитьбы. Служба сразу же «озадачила его самым неприятным образом»: оказалось, что «слякоть, жара или просто нерасположение» вовсе не являются «достаточными и законными предлогами к нехождению в должность», а начальник, «отец подчиненных», весьма далек от обломовского «смеющегося и семейного» о нем понятия. После двух с небольшим лет «труда и скуки» Обломов сначала сказывается больным, а потом и вовсе с облегчением подает в отставку [Гончаров 1990: 61–63].

Если самым мучительным испытанием Обломова во время службы было составление скучных «записок», ради которых его иногда находили в гостях и даже будили ночью, то вся многолетняя трудовая жизнь Линя Куна представляла собой суровый распорядок дня, бесконечные общественные поручения и военную муштру. После окончания школы у Линя, возможно, и были какие-то честолюбивые планы, и школьный учитель литературы, «старый книжник», даже подарил ему блокнот с пожеланием «Однажды вернуться командующим десятитысячного войска!» [Jin 2000b: 53], но молодой человек, мечтавший о работе библиотекаря, вынужденно стал армейским врачом, и это сразу лишило его возможности сделать завидную карьеру. В его однообразно тягостной жизни не было легких дней, были лишь менее и более трудные. Так, одним из наиболее мучительных испытаний стал многодневный Пеший Поход, изможденных участников которого Линь самоотверженно лечил, не смотря на собственную усталость.

С действительностью, суровой для одного и просто скучной для другого, героев примиряли мечты об идеальной семейной жизни, полной умиротворенных и в то же время «культурных» радостей. Обломов, избавившись от докучной необходимости «служить», посвящал им практически все время уютного лежания на своем диване; Линь Кун мог их позволить себе лишь в редкие минуты отдыха. Интересно, что мечты эти перекликаются. Сравним в «Обломове»: «...обняв жену за талию, углубиться с ней в бесконечную, темную аллею; идти тихо, задумчиво, молча или думать вслух, мечтать... Потом воро-

тяться, слегка позавтракать и ждать гостей... А на кухне в это время так и кипит... Потом лечь на кушетку; жена читает вслух что-нибудь новое... Еще два, три приятеля, все одни и те же лица... В глазах собеседников увидишь симпатию, в шутке искренний, не злобный смех... «И весь век так?» – спрашивает Штольц. «До седых волос, до гробовой доски. Это жизнь» [Гончаров 1990: 161]. И в «Ожидании»: «...погружаясь все глубже в сон, он видел просторный дом с кабинетом, полным книг в твердых переплетах на дубовых полках и несколькими картинами в рамах на стенах. В глубине дома была застекленная веранда, выходящая на овальную зеленую лужайку. Был субботний вечер, и несколько друзей и коллег пришли поговорить об операх и фильмах, пока хозяйка наливала чай и лимонад и передавала острые тыквенные семечки, жареный арахис и сигареты» [Jin 2000b: 53].

Грезы о тихой семейной жизни обоих мечтателей были прерваны любовными историями с деятельными женщинами, что стало суровым социальным испытанием для обоих. Обоим пугала женская активность, и Обломову удалось от нее отстраниться. Он осознал, что Ольга слишком целеустремленна и безупречна, чтобы быть ему подходящей спутницей. Когда она пытается убедить его, что нужно «жить, действовать, благословлять жизнь», и уже видит себя спасительницей «безнадежного больного» и его «нравственно погибающего ума, души», восклицая: «Жизнь – долг, обязанность, следовательно, любовь тоже долг: мне как будто Бог послал ее и велел любить», Обломов начинает испытывать сомнения и тревогу. «А есть радости живые, есть страсти?» – спрашивает он Ольгу, на что она отвечает еще более пугающе: «Не знаю, я не испытала и не понимаю, что это такое» [там же: 216]. Тогда Обломов и задается вопросом: «А что, если чувство Ольги – не любовь, а всего лишь предчувствие любви? Она любит теперь, как вышивает по канве: тихо, лениво выходит узор, она еще ленивее разворачивает его, любитесь, потом положит и забудет. Да, это только приготовление к любви, опыт, а он – субъект, который подвернулся первый... Она была готова к восприятию любви... и он встретился нечаянно, попал ошибкой... Другой только явится – и она с ужасом отрешится от ошибки!» [там же: 220]. Найдя «благородный» предлог для своего недеяния, Обломов тянет время и подводит Ольгу к решению о необходимости разрыва их отношений.

В романе Ха Цзиня несравнимо меньше рефлексии, его стиль очень сдержан – недаром он получил премию имени Хэмингуэя, – однако и в его тексте встречаются описания совершенно

безнадежных ощущений героя, уже не смеющего вырваться из пут своей нелюбовной связи. Задолго до второй женитьбы Линя автор замечает, что «его жизнь была простой и мирной, пока однажды Манна не изменила ее» [Jin 2000b: 49], и приводит героя к решению, что «никакая женщина ему не нужна» [ibid.: 80]. Накануне свадьбы с Манной Линь размышляет: «Неудивительно, что люди называют брак смертью любви. Чем ближе женитьба, тем меньше привязанности я чувствую к ней. Неужели я ее больше не люблю?» [ibid.: 214]. На свадьбе он испытывает невыносимую скуку, а безрадостная семейная жизнь губит его единственную настоящую любовь – чтение. Его книги пылятся на полках, тогда как Манна, никогда прежде не бравшая в руки книги, в браке принялась активно читать о беременности, рождении и воспитании ребенка и пересказывать все прочитанное Линю, утомляя и раздражая его.

Жизненную философию Обломова и Линя можно соотнести с «благородным недеянием» даосизма как последовательной проповеди невмешательства в ход событий и принципа покорности стихийным силам природы. М.М. Пришвин рассматривал противостояние Обломова и Штольца (и косвенно Ольги, его единомышленницы) как нравственно-философскую проблему национального масштаба: «Никакая «положительная» деятельность в России не может выдержать критики Обломова: его покой таит в себе запрос на высшую ценность, на такую деятельность, из-за которой стоило бы лишиться покоя... Иначе и быть не может в стране, где всякая деятельность, направленная на улучшение своего существования, сопровождается чувством неправоты, и только деятельность, в которой личное совершенно сливается с делом для других, может быть противопоставлена обломовскому покою» [цит. по: Гейро 1990: 11].

В конце жизни Обломов находит успокоение в браке со своей квартирной хозяйкой Агафьей Матвеевной Пшеницыной, но его семейная жизнь совершенно лишена изящной составляющей, о которой он мечтал. Нет ни оранжереи, ни музицирования, ни обсуждения книг, лишь вкусной едой и ежеминутной заботой он обеспечен благодаря жертвенности жены, а она «из недели в неделю, изо дня в день тянулась из сил, мучилась, перебивалась, продала шаль, послала продать парадное платье и осталась в ситцевом ежедневном наряде...» [Гончаров 1990: 370]. Обломов стал жертвой махинаций брата Агафьи Матвеевны и вынужден выплачивать ему долг, постепенно обрюзг, опустился до заплатанного халата и в конце концов достиг полного угасания. Но строки о смерти Обломова полны светлой

печали: он нашел последний приют «между кустов, в затишье. Ветки сирени, посаженные дружеской рукой, дремлют над могилой, да безмятежно пахнет полынь» [Гончаров 1990: 417]. Эта атмосфера покоя перекликается с описанием Обломовки, замыкая жизненный цикл героя: «Там надо искать свежего, сухого воздуха, напоенного не лимоном и не лавром, а просто запахом полыни, сосны и черемухи» [там же: 97].

Линь Кун не оценил тепла домашнего уюта в первом браке, а второй совершенно лишил его покоя. Если Обломова всегда тянул мир грез, навеянный безмятежным детством, то Линь Кун, никогда не знавший легкой жизни и даже комфорта отдельной комнаты, всегда мечтал о мире книг. В финале романа Линь просит прощения у первой жены и у дочери и говорит им о болезни Манны, которой, видимо, осталось жить совсем недолго. Нужно лишь «еще немного» подождать. Приняв это успокоительное решение, Линь засыпает, погружаясь в любимое состояние Обломова, воплощающее для него чистоту и невинность. Недаром глядя на своих новорожденных сыновей, Линь мечтал поменяться с ними местами, начать жизнь заново и, возможно, никогда не создавать семью. Встреча с деятельными женщинами нарушила благословенный покой и русского, и китайского героев-созерцателей, но жизнь обоих совершила круг (поскольку на старославянском «обло» и означает «круглый»): от недеяния к «деянию» — матримониальные планы Обломова, развод и второй брак Линя Куна — и обратно к недеянию. Проблему дела и недеяния можно считать центральной для обоих романов: Обломов как «материализованное, воплощенное «недеяние» не нуждался во внешнем мире и не пускал его в свое сознание» [Никольский 2009: 75], и Линь Кун, вынужденно социализированный в чуждой и неприятной ему среде, хотя бы в мыслях стремился отгородиться от внешнего мира.

Приведенная интерпретация финального высказывания героя Ха Цзиня предполагает знакомство читателя и с русской, и с китайской культурой. Интерес американских читателей к китайской культуре по-прежнему не лишен экзотизации, хотя задолго до успеха Ха Цзиня Америка высоко оценила просветительскую деятельность дочери миссионера Перл Бак, получившей Нобелевскую премию за роман о китайских крестьянах «Добрая земля» (*The Good Earth*, 1931). Творчество Ха Цзиня и других писателей-иммигрантов первого поколения, пишущих о своих родных странах, видится американской критике особенно ценным, ибо «создает включение международной тематики и перспективы в

литературный мейнстрим США» [Birkets 2004: 42].

Ха Цзинь, вероятно, продолжает транскультурный диалог литературы XX и XXI вв. с романом «Обломов». В числе других примеров этого плодотворного диалога можно вспомнить о творчестве Сэмюэля Беккета: биографы Беккета свидетельствуют, что писатель прочел «Обломова» до того, как написал «В ожидании Годо», и настолько сроднился с этим героем, что в 1920-е гг. даже подписывал любовные письма фамилией Обломов. Мариета Божович, напоминая об этом факте на конференции Американской ассоциации славистики (Новый Орлеан, 2007), подчеркивает, что «романы и пьесы Беккета доводят до абсурда повествовательную стратегию Гончарова: в них отрицаются все литературные средства, которые делают текст «интересным», и просто повествуется о том, о чем повествовать невозможно; в частности, антигерои Беккета доводят до абсурда обломовский отказ путешествовать и учиться». Исследовательница также цитирует Александра Михайловича, утверждавшего, что «Беккет обыгрывал образ «лишнего человека»... и сам признавался, что постоянно лежащий Обломов был своего рода прототипом его абсурдного героя» [Божович 2010]. Недаром бродяга из «Годо» носит русское имя Владимир и его сон приравнивают к состоянию невинности, а в «Элевтерии», как и в «Последней ленте Крэппа», герой хочет оставаться в состоянии младенца или зародыша, т. е. «ничем» по отношению к нормальному обществу взрослых людей.

Попытку самому воплотиться в Обломова и создать пародийную версию этого героя в своем тексте предпринимает русский эмигрант, а ныне успешный американский писатель Гари Штейнгарт. Чтобы написать рецензию для «Нью-Йорк Таймс» на перевод «Обломова», выполненный Стивенем Перлом, Штейнгарт в течение десяти дней имитирует обломовское недеяние и называет свой эксперимент «Десять дней с Обломовым: Путешествие в моей кровати» [Shteyngart 2006b]. А в своем романе «Абсурдистан» (2006) Штейнгарт создает раблезианского толстяка Мишу Вайнберга, который после многочисленных злоключений пишет прошение в Американскую иммиграционную службу в надежде, что служащие «глубоко знают русскую литературу» и, прочитав о его тяжких испытаниях, безусловно увидят сходство его грустной судьбы с историями Обломова и князя Мышкина, поскольку и он тоже «нечто вроде святого дурачка, окруженного интриганами» [Shteyngart 2006a: 15].

В последние десятилетия транснациональная интертекстуальность приобретает все более не-

обычные формы. Стремление Ха Цзиня в англоязычном тексте о Китае найти точки соприкосновения русской и китайской культур отражает современную тенденцию транскультурного романа. Его рамки не ограничиваются культурными традициями, к которым принадлежит автор, что создает своеобразный «планетарный» текст.

Примечания

¹ В отечественном литературоведении нет единообразия при передаче имен китайско-американских писателей и исследователей на русский язык. Синологи транскрибируют их по правилам китайской фонетической традиции, американисты транскрибируют или транслитерируют их как английские слова. В последнее время, судя по переводам в журнале «Иностранная литература», отмечается тенденция следовать правилам синологии (в частности, в №1 за 2003 г. опубликованы рассказы Ха Цзиня, а не Джина). В данной статье соблюдается эта тенденция, и имена переданы согласно англо-китайским соответствиям. См.: [Ткаченко 1999: 265–286].

² Все переводы выполнены автором статьи.

³ Действие романа Ха Цзиня охватывает период с начала 1960-х до начала 1980-х, и Линь мог прочесть «Обломова», поскольку к этому времени роман был переведен на китайский язык [Цветко 1974: 105].

⁴ О «детски ласковой русской душе» Обломова, его «нежности врожденной, и чистоте нрава, и русской незлобивости» писал еще Дружинин [Дружинин 1958: 173]. Русское начало в характере Обломова подчеркивается и в современной критике: «Гончаров, взяв лишнего человека у Пушкина и Лермонтова, придал ему сугубо национальные – русские черты» [Вайль, Генис].

Список литературы

Божович М. Большое путешествие «Обломова»: роман Гончарова в свете «просветительной поездки» // Новое литературное обозрение. 2010. №106. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/bo12.html> (дата обращения: 15.02.2014).

Вайль П., Генис А. Обломов и «Другие». Гончаров. URL: http://a4format.ru/pdf_files_bio2/4717abc.pdf (дата обращения: 15.02.2014).

Высказывания Конфуция. URL: <http://www.confucianism.ru/viskaz2.html> (дата обращения: 15.02.2014).

Гейро Л. С. Роман «Обломов» в контексте творчества Гончарова // Гончаров И. А. Избр. соч. М.: Худож. лит., 1990. С. 3–18.

Гончаров И. А. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1990. 575 с.

Дружинин А. В. Обломов, роман И. А. Гончарова // Гончаров И. А. в русской критике: сб. ст. М.: Худож. лит., 1958. С. 161–183.

Никольский С. А. Русский человек в деле и надеянии: опыт исследования И.А. Гончарова // Вопросы философии. 2009. №4. С. 72–84.

Ткаченко Г. А. Культура Китая: Словарь-справочник. М.: ИД Муравей, 1999. 384 с.

Цветко А. С. Советско-китайские культурные связи. М.: Мысль, 1974. 131 с.

Birkets S. Snapshots from the Bridge // Arts in America / ed. by George Clack, Richard Lundberg. Manila: RPC, 2004. P. 40–43.

Jin H. Ha Jin Lets it Go. An Interview with Dave Weich on Feb. 2, 2000a. Contemporary Literary Criticism. Vol. 262. Detroit: Gale, Literature Resource Center. URL: http://go.galegroup.com/ps/start.do?p=LitRC&u=csufres_main (дата обращения: 15.02.2014).

Jin H. Writing Without Borders. An Interview with Chris GoGwilt on Nov. 16, 2006. Contemporary Literary Criticism. Vol. 262. Detroit: Gale, Literature Resource Center. URL: http://go.galegroup.com/ps/start.do?p=LitRC&u=csufres_main (дата обращения: 15.02.2014).

Jin H. Waiting. N.Y.: Vintage Books, 2000b. 308 p.

Shteyngart G. Absurdistan. N.Y.: Random House, 2006a. 352 p.

Shteyngart G. Ten Days with Oblomov: A Journey in My Bed // The New York Times. 2006b. Oct. 1 URL: http://www.nytimes.com/2006/10/01/books/review/Shteyngart.t.html?_r=1 (дата обращения: 15.02.2014).

Tolstaya T. Foreword // Goncharov I. Oblomov / Trans. Stephen Pearl. N.Y.: Bunim & Bannigan, 2006. P. viii–ix.

References

Birkets S. Snapshots from the Bridge. Arts in America. Ed. by George Clack, Richard Lundberg. Manila: RPC, 2004. P. 40–43.

Bozhovich M. Bolshoje puteshestvije “Oblo-mova”: roman Goncharova v svete “prosvetitelnoj poezdki” [Oblomov’s great journey: Goncharov’s novel in the light of the “enlightening trip”]. Novoje literaturnoje obozrenije [New Literary Review]. 2010. No 106. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/bo12.html> (accessed 15.02.2014).

Druzhinin A. V. Oblomov, roman I. A. Goncharova [Oblomov, I. A. Goncharov’ novel]. Goncharov I. A. v russkoi kritike: sbornik statei [Goncharov I. A. in Russian critics: a collection of articles]. Moscow: Khudozhestvennaja literatura Publ., 1958. P. 161–183.

Geyro L.S. Roman “Oblomov” v kontexte tvor- chestva Goncharova [The novel ‘Oblomov’ in the

context of Goncharov's works]. Goncharov I. A. *Izbrannyje sochinenija* [Selected works]. Moscow: Khudozhestvennaja literatura Publ., 1990. P. 3–18.

Goncharov I. A. *Izbrannyje sochinenija* [Selected works]. Moscow, 1990. 575 p.

Jin H. Ha Jin Lets it Go. An Interview with Dave Weich on Feb. 2, 2000a. *Contemporary Literary Criticism*. Vol. 262. Detroit: Gale, Literature Resource Center. Available at: http://go.galegroup.com/ps/start.do?p=LitRC&u=csufres_main (accessed 15.02.2014).

Jin H. *Waiting*. New York: Vintage Books, 2000b. 308 p.

Jin H. Writing Without Borders. An Interview with Chris GoGwilt on Nov. 16, 2006. *Contemporary Literary Criticism*. Vol. 262. Detroit: Gale, Literature Resource Center. Available at: http://go.galegroup.com/ps/start.do?p=LitRC&u=csufres_main. (accessed 15.02.2014).

Nikolsky S. A. *Russkii chelovek v dele i nedejanii: opyt issledovanija I. A. Goncharova* [Russian man in doing and non-doing: A study of I. A. Goncharov's works] *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy]. 2009. No 4. P. 72–84.

Shteyngart G. Absurdistan. New York: Random House, 2006a. 352 p.

Shteyngart G. Ten Days with Oblomov: A Journey in My Bed. The New York Times. 2006b. Oct. 1 Available at: http://www.nytimes.com/2006/10/01/books/review/Shteyngart.t.html?_r=1 (accessed 15.02.2014).

Tkachenko G. A. Kultura Kitaja: Slovar-spravochnik [Chinese Culture: Reference Book]. Moscow: Publ. House "Muravej", 1999. 384 p.

Tolstaja T. Foreword. Goncharov I. *Oblomov*. Trans. Stephen Pearl. New York: Bunnim & Bannigan, 2006. P. viii–ix.

Tsvetko A. S. Sovetsko-kitajskije kulturnyje svjazi [Soviet-Chinese cultural relations]. Moscow: Mysl' Publ., 1974. 131 p.

Vayl P., Genis A. Oblomov i "Drygie" [Oblomov and "Others"]. Available at: http://a4format.ru/pdf_files_bio2/4717a6cb.pdf (accessed 15.02.2014).

Vyskazyvaniya Confusija [Confucius' Sayings]. Available at: <http://www.confucianism.ru/viskaz2.html> (accessed 15.02.2014).

“SUPERFLUOUS MAN” IN A CHINESE AMERICAN VERSION

Evgenija M. Butenina

**Reader of Linguistics and Intercultural Communication Department
Far Eastern Federal University**

Over the last decades in American literature a significant role has been played by Chinese immigrants' works in English. Wide recognition of Maxine Hong Kingston's memoirs "The Woman Warrior" in 1976 marked the period of Chinese-American literature joining the mainstream. Then Amy Tan's and Gish Jen's novels as well as Frank Chin's and David Henry Hwang's plays became popular. All these authors were born in the United States and English has always been their native language. Over recent years there has been an unusual situation when the first generation immigrants who had moved to the United States as adults started to write in English and have gained recognition. Two authors, who received numerous literary awards, are especially remarkable: Ha Jin (born in 1956) and Yiyun Li (born in 1972). Since both of them rode out the Cultural Revolution and persistent "Sovetization" of Chinese culture, a dialogue with Russian literature, both pre-Soviet and Soviet, is quite significant in their novels. This dialogue is quite significant in Ha Jin's novel "Waiting" (1999), the winner of the National Book Awards and the PEN/Faulkner Award. The novel's character calls himself a "superfluous man" at the moment of gaining insight in sense of his life. The paper discusses how the protagonist's character has led him to this revelation and to what extent it is possible to compare this Chinese character with the Russian concept of "superfluous man", an important concept in the 19th century Russian literature. In his response to life and love matters Lin Kong does seem to share some features of the character with Oblomov, the protagonist of the eponymous 1859 novel by the famous Russian author Ivan Goncharov. Though the two life stories have nothing in common as for cultural and historic contexts, they share some universal similarities.

Key words: Chinese-American literature; Ha Jin; "superfluous man"; Goncharov; Oblomov; transcultural intertextuality.